

это *старше* насъ. И намъ надо спѣшить дорости до его *идей*, чтобы не считать ихъ, наконецъ, «утопіями».

Если Толстой, какъ художникъ-моралистъ, распростерся въ міровой плоскости, то корнями своихъ ученій онъ органически приросъ къ русской почвѣ.

Личность Толстого—такая многогранная и такая цѣльная—получила свое воспитаніе среди всевозможныхъ «самодержавныхъ» правовъ, уродливыхъ обычаевъ, кровавыхъ законовъ и религіозныхъ нелѣпостей, какими полонъ нашъ «край родной долготерпѣнья». Первоначальный толстовскій «нигилизмъ», его проповѣдь «опрощенія», смиренія и апофеозъ мужика—все это родная русская стихія, которая единитъ его съ современными ему писателями, требовавшими не опуститься, но «возвыситься» до «народа». Но всѣ эти утвержденія Л. Толстого были въ его дѣятельности лишь первопутками.

Л. Толстой посвятилъ всю свою жизнь самому трудному въ жизни—«духовному» ремеслу: онъ искалъ истину. Искаль Бога.

Люди привыкли на себѣ носить огромныя тяжести; они выносятъ на своихъ плечахъ все бремя своей жизни, часто цѣляя судьбы своихъ близкихъ людей. Но самый страшный кладъ, какой пришелся на долю человѣка, это тотъ кладъ, который онъ носитъ *въ самомъ себѣ*, въ душѣ своей,—это религіозное исканіе смысла жизни, правды этого міра. Правду, какъ все драгоценное, человечеству суждено искать. Ложь, какъ трава, заросла по землѣ. Ложь всегда есть, ее всегда можно найти, она всегда права въ жизни, потому что не ищетъ себѣ оправданія. А правду надо оправдать, рѣализовать, выдрить въ жизнь, и задача такого оправданія принадлежитъ всему человечеству.

«Стоитъ ли жить, если правда мертва?» восклицаетъ Вл. Соловьевъ.

Незадолго до смерти Иисуса Христа, Пилать, этотъ характерный скептикъ кесарева міра, который все никакъ не могъ понять, въ чемъ, собственно, виновенъ Христосъ, въ разговорѣ съ нимъ, ставъ въ пренебрежительную позу и услышавъ отъ Иисуса, что тотъ «пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ» (Іоанна, XVIII, 37—38), спросилъ его: «Что есть истина?»—Повернулся и пошелъ, насмѣшливо улыбаясь... И въ этой фразѣ—цѣлая философія эпохи, и философія цѣлыхъ эпохъ, вплоть до нашего времени.

Истина Иисуса Христа, которую такъ не понималъ Пилать, вмѣщалась въ одной заповѣди, это было одно слово, и слово это было: любовь.

А нынѣшніе «христиане», забывъ первый и послѣдній параграфъ своей «вѣры», отложили разрѣшеніе этого вопроса объ истинѣ до «второго пришествія» Иисуса: тамъ, на «страшномъ судѣ» все разберутъ,—мечтаютъ эти дряблые и пассивные мыслью и духомъ люди.

Но если Христосъ приходилъ и будетъ приходить къ намъ въ блестящихъ легендахъ, создаваемыхъ нашими Достоевскими, то въ жизни нашей онъ никогда не придетъ и не повторитъ своей истины. Слишкомъ много сейчасъ на землѣ Пилатовъ, чтобы мы могли даже призывать его къ себѣ. И потому—чтобы жить, надо знать истину. Никто намъ не отвѣтитъ на небѣ, когда мы спросимъ на землѣ.